

ЭКРАН И СЦЕНА

(приложение к Сов.культуре) — 1990 — 8-й изд. (№6) — с 1
8 февраля

ЭХО НЕОКОНЧЕННОГО «ДИАЛОГА»

К 100-летию
Бориса Пастернака

«Диалог» — так называется короткая пьеса Бориса Пастернака, которая публикуется сегодня на 8-й странице «ЭС». Впервые «Диалог» был опубликован в московской газете «Знамя труда» 17 мая (4 июня) 1918 года и в отличие от двух предшествующих драматургических опытов, написанных пятистопным нерифмованным ямбом, никогда не переиздавался. В ямбах шла речь о конце Великой французской революции.

СЕН-ЖЮСТ.

...И была История республики собранием Предсмертных дней. Быть может, никого Не посетила не предупредивши И не была естественной смерть.

В «Диалоге» в полицейском участке добропорядочной, мирно и привычно живущей Франции оказывается странный Субъект — пришелец из небывалой, невообразимо прекрасной страны гениального труда.

Там «просыпаешься в состоянии горения, с запасами жара, и невозможно не отдать его...». Там тело и дух сами чувствуют, что на сегодня миру отдано достаточно сил — и только тогда человек в состоянии вспомнить о своих личных желаниях. Новое общество пересоздало человека. «Завтра это будут расы. Когда-нибудь — разновидности высшего животного...».

«Животного»? Да, и для Субъекта это принципиально, это залог всеобщей гениальности («Найдите мне посредственную кошку?»). Пробуждены невиданные

силы труда и любви, чувство гармонии мира, чувство личного долга перед мирозданием стало почти что инстинктом. «Человек разумный» переделал себя в «животное космическое» — на благо и Вселенной, и себе самому. Ни Субъект, ни Чиновник полиции в этом всерьез не сомневаются.

А автор?

Эти строки — заметки читателя, а не комментарий исследователя. Можно задать вопрос, но отвечать было бы самонадеянно. Хочется, однако, сравнить текст «Диалога» с другими, широко известными.

Любовь-буря, о которой говорит Субъект, «лбы, пылавшие от любви к женщине» — не о том же ли самом: Любимая — жуть! Когда любит поэт, Влюбляется бог неприкаянный.

И таянье Андов вольет в поцелуй, И утро в степи, под владычеством Пылящих звезд, когда ночь по селу Белеющим блянем тычется.

[1922]

Нет, кажется, не о том, «Бог непри-

каянный» не равня «высшему животному». В диалоге человек «вносит утраченный баланс в шатающуюся жизнь», в стихах — «И хаос опять выползает на свет...». Не та же ли разница, что между Богочеловеком и кирилловским «человекобогом» в «Бесах»?

В «Докторе Живаго» Юрий Андреевич воодушевленно говорит Ларе: «Мне кажется, социализм — это море, в которое должны ручьями влиться все эти свои, отдельные революции, море жизни, море самобытности. Море жизни, сказал я, той жизни, которую можно видеть на картинах, жизни гениализированной, жизни, творчески обогащенной». Отзвук слов Субъекта здесь почти несомненен.

Но спустя время в Варыкинском дневнике Юрия Живаго записано: «...Заря грядущего, построение нового мира, светочи человечества. Послушать это, и поначалу кажется, — какая широкая фантазия, какое богатство! А на деле оно именно и высокопарно по недостатку дарования.

Сказочно только рядовое, когда его коснется рука гения. Лучший урок в этом отношении Пушкин. Какое слово — словие честному труду, долгу, обычаям повседневности!..».

Ясно, что между восемнадцатым и пятьдесят третьим годом шло не толь-

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ОБРАЗ «ВНУТРЕННЕГО ВРАГА»

Есть в отечественной журналистике авторы, имена которых хотя и неизвестны, однако пропагандистские формулы, придуманные ими, растиражированы в масштабах, не доступных цитатам ни из Шекспира, ни из Пушкина. И самая, пожалуй, популярная формула такова: «Сегодня внимание всего мира приковано к Кремлю».

Сколько мы иронизировали над этой фразой, и вполне справедливо. Но сегодня она и впрямь соответствует действительности. Не поручусь, естественно, за весь мир, но то, что вся наша страна (да и любой здравомыслящий политик на планете) ждет сейчас сообщений из Кремля, где идет Пленум ЦК КПСС, — это очевидно.

Когда в типографии набираются эти строчки, результаты Пленума еще неизвестны. Ясно лишь одно: какими бы они ни были, какая бы точка зрения ни восторжествовала, от этих результатов зависит судьба страны и каждого из нас.

Они, как сказал еще один неизвестный автор, судьбоносны.

(Окончание на 2-й стр.).

В Западном Берлине завтра открывается международный кинофестиваль. В программу этого одного из самых престижных киносмотров советское искусство выносит такие ленты, как «Астенический синдром», «Караул», «СЭР», «Оно», «Кома», и многие другие.

Материалы, связанные с этим событием, читайте под рубрикой

НАКАНУНЕ СОБЫТИЯ

4—5 страницы.

ко время, что сверять идеи на таком расстоянии — некорректно. И все же кажется, что в «Диалоге» просвечивают черты антиутопии, что мир Субъекта — в родстве с мирами Замаятина и Оруэлла, а не с идеальной «республикой труда». Коли так — перед нами не только истоки жанра, но и особый его вид: самоопровергающаяся, избыточная себя утопия.

И стоит присмотреться к тому, как написан диалог, прислушаться к его тону, так странно созвучным драме будущего. Как будто бы перед нами — текст, написанный уже после открытия театра абсурда и послевоенной бытовой драмы, после Беккета и Осборна. То, что кажется смысловыми разрывами и набросочной сбивчивостью, приобретает значение геологического разлома, в котором крокошет новое видение мира, новый язык драмы. Может быть... Хотя перед нами — только отрывок, обрывок, «зародыш» текста, который никогда не был и, видимо, не мог быть дописан.

Гениям свойственно ставить перед собой вопросы, на которые отвечают уже не они — вся история литературы.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

Рисунок
Константина ВАЛОВА.